

Н-р 1

БИБЛИОТЕКАРОМ-А

Н-р 1

С. Ю. БЕНДАСЮКЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

(Докладъ прочитанный 12 декабря 1938 г.
въ Секціи русскихъ студентовъ во Львовѣ,
на курсѣ "Культурно-просвѣтительной работы")

ЛЬВОВЪ

1939

**ИЗДАНИЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЕЖИ
(Львовскаго Отдѣла)**

О С. Ю. Бендасюке - см. в брошюре Ваврика “Краткий очерк галицко-русской письменности” и в “Талергофских Альманахах”.

106822

Украинскій сепаратизмъ, т. е. стремленіе одной части малороссовъ, называющихъ себя украинцами, къ совершенному отдѣленію отъ русской націи, это специфическое явленіе только на Руси. Такого сепаратизма у другихъ народовъ нѣтъ, хотя для его возникновенія тамъ имѣется, гораздо больше и куда болѣе серьезныхъ данныхъ. Если украинскіе сепаратисты иногда указываютъ на подобное движеніе гдѣ-то на Западѣ, то при внимательномъ разсмотрѣніи указанныхъ ими примѣровъ, оказывается, что дѣло въ сущности представляется иначе: ни указанный ими народъ не стремится къ такому совершенному отмежеванію себя отъ родной націи, ни то, что у него тамъ носить черты нѣкоторой обособленности, нельзя назвать сепаратизмомъ въ украинскомъ смыслѣ.

Сѣверные нѣмцы отъ южныхъ, фламандцы отъ бельгійцевъ, ирландцы, шотландцы и валлійцы отъ англичанъ, бретанцы и провансальцы отъ французовъ, каталонцы отъ испанцевъ, имѣютъ куда больше основаній и возможностей отдѣлиться чѣмъ украинцы отъ русскихъ, но фактически не отдѣляются. Они не силятся создать ни своихъ особыхъ литературныхъ языковъ и культуръ, ни государствъ. Все чего они добиваются — это прежде всего получить самую широкую автономію на своей территоріи, свободно пользоваться своимъ роднымъ нарѣчіемъ также въ официальныхъ сложеніяхъ и въ школьномъ преподаваніи. Они никогда не даютъ себя использовать внѣшнему врагу для союза противъ своей старшей сестры націи, какъ наши сепаратисты. Наидальше пошли и наибольше достигли, кажется, ирландцы: выбороли себѣ свободное государство (free state) но — въ составѣ Великобританіи, усердно развиваютъ свое ирландское нарѣчіе, но говорятъ и пишутъ, у себя, дома, и въ присутственныхъ мѣстахъ и въ парламентѣ, по англійски и остаются вѣрноподданными англійскаго короля. Во время всемірной войны, еще только добиваясь всего этого и сильно съ англичанами враждуя, они за общее королевство храбро сражались на всѣхъ фронтахъ, а попытки Германіи использовать эту ихъ вражду для поднятія возстанія, дотерпѣли постыдную неудачу.

У нас, на Руси, такихъ основаній и условій для сепаратизма нѣтъ, но онъ возникъ и держится, вотъ уже десятки лѣтъ, по двумъ главнымъ причинамъ: мы, русскіе, не даемъ ему надлежащаго отпора, а онъ получаетъ всемогущую поддержку извнѣ, съ вражьей стороны. Поскольку мы, русскіе съ нимъ не боремся, мы также его виновники. Поскольку онъ служить чужимъ силамъ, враждебнымъ Руси, онъ — зло, несчастье для всего русскаго народа и особенно для малороссовъ. Но еслибы онъ и не стоялъ врагамъ на услугахъ, онъ сепаратизмъ, все

равно, былъ бы вреденъ, какъ вредно вообще дѣленіе единаго по своей природѣ національнаго организма на части, ибо въ единеніи сила, въ раздѣленіи слабость. И тѣмъ не менѣе, мы стоимъ за свободное и полное развитіе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, литературъ, культуръ автономій. Не только стоимъ, но готовы имъ всегда поработать, послужить, пожертвовать собой, потому, что мы знаемъ и учитываемъ, что ихъ развитіе, укрѣпленіе и обогащеніе — залогъ силы, расцвѣта и богатства всей великой русской націи. А только съ нашей, русской точки зрѣнія мы себѣ мыслимъ и хотимъ, чтобы — какъ это было въ теченіи долгихъ столѣтій — и нынѣ и въ будущемъ, они развивались, укрѣплялись и обогащались какъ часть русскаго языка, русской литературы и культуры, русской націи. Въ этомъ наше всегдашнее принципиальное расхожденіе съ сепаратистами, украинскими, бѣлорусскими, или какъ бы они тамъ ни назывались.

Довоенная Россія несеть отвѣтственность за то, что во второй половинѣ истекшаго вѣка дала у себя возможность возникнуть и развернуться украинскому сепаратизму. Здѣсь въ Галичинѣ, наши предки, альтрутены, отвѣтственны за то что не воспрепятствовали образоваться здѣсь украинскомъ Пиемонту, послѣ извѣстнаго неудачнаго царскаго указа 1876 года, заставившаго украинцевъ перенести свой центръ сюда и отсюда готовить, расчлененіе Россіи. И мы нынѣ отвѣчаемъ за то, что украинскій сепаратизмъ насаждается здѣсь среди нашего народа. Правда, есть смягчающія русскую вину обстоятельства. Въ Россіи виновницей этого была русская а то, отчасти, и нерусская бюрократія, а не національно русская общественность, которая долго была лишена возможности вліять на ходъ внутренней и внѣшней политики государства. Но эта бюрократія была все таки - продуктомъ Россіи. Правда, наши альтрутены здѣсь не были въ состояніи помѣшать австрійскому правительству сдѣлать расколъ, ибо оно предварительно или попутно изгоняло русскихъ галичанъ изъ школъ, церкви, вѣдомствъ сейма и парламента, но оно этого сдѣлать не смогло бы, если бы они въ своей оппозиціи въ этомъ вопросѣ были единодушны и неподатливы: Вѣдь то же самое австрійское правительство пробовало насадить подобный сепаратизмъ среди австрійскихъ сербовъ, но это ему не удалось, а среди румынъ, итальянцевъ и др. своихъ народовъ даже не посмѣло этого попробовать. А, вотъ, тѣ же наши альтрутены провалили его пробы замѣнить здѣсь русскую азбуку польскимъ; алфавитомъ, юліанскій календарь грегорианскимъ и мало что еще иное. И нынѣ здѣсь, на русскихъ земляхъ, украинскій и бѣлорусскій сепаратизмъ, въ значительной степени, по нашей же, русской винѣ держится и ширится. Не будь ему съ нашей, русской стороны попустительства, равнодушія,

не радѣнія и пассивной съ нимъ примиримости, онъ не удержался бы, ибо самъ собой онъ слабъ, непрочень, шатокъ и несостоятеленъ. Каждый изъ насъ отдѣльно и лично и всѣ мы вмѣстѣ несемъ нашу долю отвѣтственности за все это передъ будущимъ нашего народа и нашей отечественной исторіей, обязаны знать этого нашего противника и давать посильный дружный отпоръ его поползновеніямъ на наше русское достояніе.

Наша борьба съ нимъ, одновременно и параллельно, можетъ и должна вестись въ двухъ направленіяхъ или двоякимъ образомъ: нашей русскостью и нашимъ ему противодѣйствіемъ, активнымъ сопротивленіемъ. Будучи сами русскими, пробуждая и укрѣпляя сознательность русскости въ нашемъ народѣ, развивая русскую культуру на нашей родной землѣ, мы тѣмъ самымъ уже одолеваетъ и устраняемъ украинскій и всякій сепаратизмъ, безъ всякой, с нимъ полемики и споровъ. Гдѣ осознанная русскость упрочена, гдѣ царить во всемъ богатствѣ и величїи русская культура, тамъ сепаратизму или вообще антирусскому движенію мѣста ни доступа нѣтъ. Но, вотъ, имѣемъ передъ собой, нпр., неосознанную русскость не одного довоеннаго російскаго аристократа, которому аристократъ любой чужой національности былъ ближе русскаго т. н. разночинца, мужика и мѣщанина, а съ другой стороны возьмемъ того же русскаго мужика или мѣщанина, у котораго эта русскость усыплена не осознана и для него самого неощутима, то увидимъ, что одинъ и другой податливъ на такой сепаратизмъ. И въ такомъ случаѣ, по отношенію къ нимъ предстоить то же заданіе: оградить ихъ отъ вліянія на нихъ этого сепаратизма и разбудить и укрѣпить въ нихъ дремлющую русскость. Если бы въ довоенной Россїи молодежь въ школахъ получала русское національное образованіе и воспитаніе, украинскій сепаратизмъ тамъ не возникъ бы, а малорусскія особенности такъ же значили бы и не представляли собой для Руси никакой опасности, какъ и на Западѣ провинціальныя особенности для тамошнихъ великихъ націй. Если бы нынѣ, здѣсь намъ русскимъ, дана была возможность, въ школахъ для нашего населенія, учить и воспитывать молодежь по русски никакого украинскаго и бѣлорусскаго сепаратизма бы не было, а малорусскія и бѣлорусскія особенности нашего народа въ культурномъ развитїи, выраженїи и обогащенїи скорѣе бы отъ этого только выиграли. Это почти трюизмы, о которыхъ распространяться незачѣмъ. Украинцы знаютъ это и пуще всего боятся этого. И на пунктъ этого они всегда весьма чувствительны. Всякое проявленіе и усиленіе здѣсь русской культуры они слѣдятъ съ явной тревогой, какъ смертельную для себя опасность. Вотъ, нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи.

Есть у насъ здѣсь, во Львовѣ, мало кому нынѣ извѣстное, но въ прошломъ славное О-во "Галицко-Русская Матица", основанное еще въ 1848 г., на подобіе тогдашнихъ другихъ славянскихъ "Матиць", сербской, чешской, словенской и т. д. и для исторіи этихъ народовъ столь важныхъ, что для ознаменованія этого видный русскій эмигрантъ, профессоръ, кажется, кіевскаго университета Билимовичъ, основаль нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Люблянѣ, "Русскую Матицу". Но эта наша львовская Матица, посвященная галицко-русской наукѣ и литературѣ, въ послѣднія десятилѣтія мало подвижна. Украинцы считаютъ ее давно похороненной и забытой. Но разъ на нѣсколько лѣтъ, это О-во выпускаетъ свой Научно-Литературный Сборникъ на рус. литератур. языкѣ. цѣликомъ посвященный Галицкой Руси, всего въ 5—6 печатныхъ листовъ. Появленіе этой скромной книжки вызываетъ въ украинской печати такое бѣшенство, что оно совсѣмъ несоизмѣримо со скромностью книжки и что, несмотря на то, что въ относительныхъ отзывахъ достается крѣпко и мнѣ и Ваврику и Генсэрскому и всѣмъ намъ, кто только посмѣлъ, въ ней черкнуть чтонибудь, мы читаемъ эти отзывы не съ возмущеніемъ а скорѣе съ юморомъ. Почему же въ нихъ такая ярость? Дѣло въ томъ, что эта книжка написана на рус. литер. языкѣ, цѣликомъ заполнена галицко-русскимъ матеріаломъ и разслана здѣшнимъ и заграничнымъ научнымъ и литературнымъ учреждениямъ, которыя такимъ образомъ изъ нея узнаютъ, что въ Галичинѣ есть русскіе и что свою мѣстную литературу и науку, своимъ же читателямъ, преподносятъ на общерусскомъ языкѣ.

Возьмемъ другой, также весьма показательный случай. Задолго до войны на русскомъ литер. языкѣ написалъ, издалъ и переиздалъ сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній Маріанъ Феофиловичъ Глушкевичъ. Послѣ войны онъ въ нашей общественной жизни почти что не участвовалъ, писалъ по русски еще меньше, зато принадлежалъ къ двумъ-тремъ украинскимъ организаціямъ, писалъ кое-что въ ихъ юридическихъ изданіяхъ и украинцы стали называть и считать его украинцемъ, хотя русскимъ онъ всегда былъ и остался до своей кончины. По случаю 35-лѣтія его писательской дѣятельности, у насъ, здѣсь годовъ пять тому назадъ, устроено было его юбилейное чествованіе и казалось, что наши украинцы могутъ только присоединиться къ этой нашей дани уваженія къ общему, такъ сказать, нашему и ихъ человѣку. Но въ слѣдующіе дни, украинская печать и особенно «Діло» разразилась такими оскорбленіями по адресу и юбиляра и насъ за то, что его чествовали, что все это выходило изъ границъ вообще допустимаго въ печати и хотя бы простого приличія. И видно было, что до такого неистовства довело украинцевъ то

обстоятельство, что Глушкевич писал свои стихотворения по русски.

Слѣдите и выясняйте, почему, нпр. въ послѣдніе годы украинская печать все чаще и яростнѣе нападаетъ на русское православное духовенство на Волыни, Холмщинѣ, Полѣсьи и Виленщинѣ, причѣмъ эти священники называются теперь не, какъ прежде, русскими или россіянами. а только какъ и мы, рускіе галичане, москвофилами, кацапами, т. е. какъ будто безнаціональными симпатиками Москвы и Великороссіи, и за что? За ихъ проповѣди на общерусскомъ языкѣ, распространіе религиозной печати на немъ, за якобы великорусское произношеніе въ богослуженіи, хотя каждый украинскій преподаватель гимназіи отлично знаетъ и помнитъ, что это произношеніе вовсе не великорусское, а первобытное, древнерусское, ибо вынужденъ былъ нѣкогда учиться ему и въ гимназіи и въ университетѣ и читать такъ договоры Игоря съ греками, Слово о полку Игоревѣ, проповѣди мит-та Иларіона и Луки Жадяты и многое другое. Эти украинскія нападки — страхъ передъ русской культурой. Внушаютъ имъ этотъ страхъ наши «Дни русской культуры», наши драматическія представленія и концерты изъ пьесъ русскихъ писателей и композиторовъ, на русскомъ литер, языкѣ наши декламации стихотвореній, рѣчи къ народу, даже разговоры между собой.

До войны, здѣсь, въ Галичинѣ, украинцы имѣли цѣлый рядъ своихъ кафедръ въ Львов, университетѣ и свои среднія школы (гимназіи, учительскія семинаріи и др.), правительственныя и частныя, буквально въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, и народныя школы по селамъ. Мы, рускіе, ни одной и никакой. Но притокъ русской интеллигенціи и молодежи все таки увеличивался и ссылаясь на это, наши представители стали ходатайствовать передъ австрійскими властями о разрѣшеніи намъ открыть, нпр. во Львовѣ, одну частную русскую гимназію. Наши переговоры съ властями были совершенно безнадежны, но кто-то пустил слухъ, вѣроятно только какъ пробный шаръ, что будто власти готовы дать намъ такое разрѣшеніе. Въ украинскомъ станѣ сама возможность этого вызвала настоящую панику. Въ передовой «Діла», преисполненной тревоги и отчаянія, высказывалось опасеніе, почти увѣреніе, что если такая гимназія будетъ открыта, этимъ все украинское движеніе будетъ убито. Украинскіе лидеры заметушились во Вѣнѣ и во Львовѣ, правительство намъ разрѣшенія не дало и «громадянство» успокоилось. Нынѣ оно такъ же боится, какъ тогда. Къ его счастью, а нашему несчастью, наша русская общественность все еще не уясняетъ себѣ этихъ его опасеній и почти ничего не дѣлаетъ въ томъ направленіи, чтобы бить противника могущественнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ оружіемъ — русской культурой.

Этих нѣскольکو замѣчаній я считаль нужнымъ предпослать изложенію исторіи украинскаго сепаратизма, потомъ что у насъ этотъ необходимый параллелизмъ русскости и активнаго противодѣйствія въ отношеніи къ сепаратизму не соблюдался и это имѣло для насъ роковыя послѣдствія. Въ Россіи, хотя и во всеоружіи русскости и русской культуры, боролись съ сепаратизмомъ царскими указами; у насъ, въ Галичинѣ, наши предки боролись съ нимъ только идейно, и келейно, выказывая его несостоятельность, беспочвенность и зависимость отъ вражій круговъ, а въ результатѣ, и тамъ и здѣсь, онъ ширился и укрѣплялся.

Въ украинствѣ слѣдуетъ различать два аспекта, вида, всего процесса: украинское, лучше и точнѣе сказать, малорусское движеніе и украинскій сепаратизмъ. Украинскій сепаратизмъ на Руси явленіе новое, совсѣмъ недавнее. Оно нынѣ, въ возрастѣ приблизительно сорока лѣтъ. А украинское движеніе гораздо старше его, хотя опредѣлить его возрастъ затрудняются сами украинцы. Правда, они отодвигаютъ его начало возможно наидальѣ въ прошлое и относятъ къ началу XIX в., т. е. къ появленію перелицеванной Энеиды Котляревскаго, но отъ этого получается для нихъ же самихъ неудобная неувязка, — какъ теперь принято говорить — ибо все украинское движеніе первой четверти XIX в. мало того, что не носитъ никакихъ признаковъ украинскаго сепаратизма, что для украинцевъ весьма досадно, и что оно таковымъ продолжаетъ оставаться долго и позднѣе, въ этомъ еще полбѣды, но самое чувствительное бѣдствіе въ томъ, что оно и не такое украинское, какимъ они его хотѣли бы видѣть, а скорѣе полурусскаго полуукраинскаго типа, словомъ Гоголевскаго типа. И это понятно и естественно. Вѣдь украинскіе писатели того періода: Нарѣжнѣй, Гнѣдичъ отецъ великаго писателя Василій Гоголь и др., пишущіе на украинскія темы, но и по украински и по русски, прямые предшественники Н. В. Гоголя и изъ-за Гоголя они ближе русскимъ чѣмъ украинцамъ. Два титана русскаго художественнаго слова, отъ которыхъ, — выражаясь по лѣтописному — вся новѣйшая русская литература пошла есть, Пушкинъ и Гоголь, имѣли своихъ предшественниковъ, первый на сѣверѣ, великороссовъ: Ломоносова, Дмитріева, Державина и мн. др., второй на югѣ, многихъ малороссовъ, и какъ, одни, такъ и другіе въ этомъ именно качествѣ и вошли въ ея исторію, вышедшую изъ подъ пера такихъ ученыхъ, какъ Пыпинъ, Порфирьевъ и др., или же въ школьные учебники литературы Галахова. Незеленова, Саводника и др. — одинаково. Собственно же малорусская литература и малорусское движеніе ведутъ свое начало отъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства (около 1846 г.), т. е. отъ Шевченка,

Кулиша, Костомарова и др., но и въ нихъ не замѣчается украинскаго сепаратизма еще долгіе годы. Скорѣе, напротивъ, въ нихъ, выступаютъ яркія черты общерусскости, на что и указалъ въ своей интересной статьѣ д-ръ Юрій Иван. Демьянчикъ въ Сборникѣ Галицко-русской Матицы т. VIII, Львовъ, 1934 г. п. з. «Юрій Бродскій (псевдонимъ): Русская стихія въ сочиненіяхъ украинскихъ писателей». Правда, замѣтны уже пробы использования украинства для сепаратизма во время двухъ польскихъ возстаній 1831 и 1863 годовъ, но съ минимальнымъ успѣхомъ. Тѣнь этого сепаратизма ложится на украинское движеніе въ Россіи только въ 70-ихъ годахъ, и только въ концѣ XIX в., уже здѣсь, въ Галичинѣ, оно превращается въ тотъ украинскій сепаратизмъ, который таковымъ понимается и нами и украинцами.

Сугубо и съ удареніемъ подчеркиваю это съ той цѣлью, чтобы въ нашемъ подходѣ къ вопросу, въ нашихъ заявленіяхъ, статьяхъ и разговорахъ съ украинцами, различались двѣ разныя вещи: украинское движеніе и украинскій сепаратизмъ. Украинское движеніе нѣкогда и долго не имѣло свойствъ сепаратизма, а съ недавняго сравнительно времени и нынѣ оно имъ всецѣло проникнуто, но въ будущемъ, въ иныхъ, особыхъ условіяхъ, оно снова его можетъ лишиться. Тогда оно намъ, русскимъ, будетъ не только пріемлемо, но и симпатично.

Такимъ образомъ сама собой намѣчается та грань, которая въ этомъ движеніи отдѣляетъ одинъ періодъ отъ другого и измѣняетъ наше къ нему отношеніе — это половина 70-хъ годовъ на югѣ Россіи и начало XX вѣка здѣсь, въ Галичинѣ, причемъ скорѣе берется во вниманіе галицкое украинское движеніе преимущественно, ибо на Украинѣ, до самой первой революціи въ Россіи 1905—06 годовъ, оно скрывалось въ подпольи, а въ его изданіяхъ, журналѣ «Кіевская Старина» и др., особенно ярко проявлять свой сепаратизмъ, конечно, ему было трудно.

Такая недавность его, скажемъ просто, новость его, украинцамъ крайне неудобна, и они всячески ухитряются, отодвинуть вглубь вѣковъ если не само движеніе, то по крайней мѣрѣ тѣ малорусскія особенности, на которыхъ оно якобы основывается. Изъ русской исторіи, исторіи русскихъ нарѣчій, языка, литературы и культуры, ими выдѣляются, выхватываются такія черты, эпизоды, моменты, явленія и событія, которыя можно бы представить какъ противоположность, различіе, отчужденность между русскими югомъ и сѣверомъ, и такимъ образомъ, на протяженіи долгихъ вѣковъ проводится ихъ совершенное раздѣленіе. Всѣ эти ихъ потуги, конечно, неудачны, напрасны и не выдерживаютъ критики, и русскими и чужестранными историками

опрокидываются скоро, легко и безповоротно, такъ, что намъ, въ борьбѣ съ украинскими сепаратистами, остается только на относительныя возраженія ссылаться. Ниже приводимый перечень такихъ украинскихъ утверждений и русскихъ на нихъ возражений даетъ нѣкоторое представленіе о сущности споровъ. Конечно, этотъ перечень не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ и примѣровъ, да и вообще онъ никогда не можетъ быть исчерпывающимъ такъ какъ сръзавшись на одномъ неудавшемся утверженіи, украинцы выѣзжаютъ съ другимъ, такъ же блестяще.

Нынѣ, нпр., въ украинскихъ юбилейныхъ статьяхъ и брошюрахъ мы читаемъ съ изумленіемъ, что «украинскій» князь Владиміръ крестилъ «Украину» и вслѣдъ затѣмъ подчинилъ ее церковной власти папы римскаго и самъ былъ католикомъ; но извѣстно, что такіе курьезы имѣють уже свою исторію. Припомнимъ, что въ вышедшемъ въ началѣ сего вѣка первомъ толстомъ томѣ Исторіи Украины-Руси Михайла Грушевскаго украинцы выведены отъ антовъ обитавшихъ на югѣ Россіи въ доисторическія времена. Послѣ того какъ осмѣяли это и русскіе и чужіе историки, анты какъ украинцы были заброшены, но нынѣшній украинскій историкъ Шульгинъ, выводитъ ихъ отъ кельтовъ съ такимъ же успѣхомъ и такою же славой. Гоняться за такими ихъ пробами - неудачами трудно да и незачѣмъ. Достаточно остановиться на главнѣйшихъ и тѣхъ, которыя нынѣ особенно въ ходу.

Въ украинской исторіи особенно сильно подчеркиваются всегда разрозненность и обособленность древнихъ русскихъ племень, съ той цѣлью, разумѣется, чтобы далѣе тѣмъ легче вывести изъ этого позднѣйшую отчужденность и рознь между Малороссіей и Великороссіей. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что ихъ объединяли общіе: древнерусскій языкъ, тѣ же занятія, жизнь и бытъ, религіозныя языческія вѣрованія, принадлежность къ той же восточной (русской) вѣтви славянъ, необходимость общей самозащиты отъ тѣхъ же внѣшнихъ враговъ, и многое другое, причемъ они, расселенные на огромной равнинѣ, не только не встрѣчали никакихъ природныхъ препятствій этому своему единенію, но, напротивъ, равнинность территории и полноводность и тихое теченіе въ разныхъ направленіяхъ большихъ рѣкъ этому единенію весьма содѣйствовали. Объединяла ихъ также общая, древняя, хотя и весьма примитивная культура.

Относительно расселенія этихъ племень. Украинцы, правда, признають, что расселеніе русскихъ племень пошло съ Карпатъ на сѣверовостокъ, но въ дальнѣйшемъ они сильно преувеличивають значеніе Кіева какъ чуть ли не единственнаго культурнаго центра, изъ него выводятъ колонизацію всего сѣверовостока, причемъ, по ихъ

миѣнію, выходцы изъ Кіева на сѣверо-востокѣ, сильно смѣшавшись съ финскими племенами, рано утеряли свои племенные особенности и образовали особый мало славянскій и даже совѣмъ неславянскій народъ, во всякомъ случаѣ совершенно отличный отъ украинцевъ даже тогдашнихъ временъ. Подобный взглядъ у нихъ и на возникновеніе и укрѣпленіе русской государственности. Между тѣмъ извѣстно, что на водномъ пути изъ «варягъ въ греки», уже на зарѣ русской исторіи, былъ рядъ крупныхъ торговыхъ и культурныхъ центровъ, а изъ нихъ главными два; на сѣверѣ Новгородъ, на югѣ Кіевъ. Первые основы русской государственности положены были въ Новгородѣ и оттуда перенесены и въ Кіевъ. Колонизація сѣверо-востока шла ранѣе, интенсивнѣе и дальше изъ Новгорода чѣмъ изъ Кіева, государственность также. Во всякомъ случаѣ позднѣйшій великорусскій типъ — продуктъ въ одинаковой мѣрѣ и сѣвера (Новгорода) и юга (Кіева) и въ немъ чужеплеменной смѣси нисколько не больше чѣмъ въ малорусскомъ, впитавшемъ въ себя много крови и свойствъ аваровъ, половцевъ, печенѣговъ и другихъ.

Относительно языка и нарѣчій. Совершенно ошибочно украинское утвержденіе, что будто въ глубокой древности происходила группировка племенъ на югѣ, сѣверѣ и по срединѣ того рода, что легла въ основу образованія велико- мало- и бѣлорусскаго нарѣчій, которыя якобы уже въ XI—XII вѣкахъ и сложились. Такому утвержденію прежде всего противорѣчитъ фактъ, признаваемый и украинцами, что эти племена слились въ одномъ русскомъ народѣ и исчезли очень рано и уже въ XII в. о нихъ нѣтъ никакого слѣда ни помина. Въмѣсто нихъ на Руси выступаютъ княжескіе удѣлы, нисколько не замѣняющіеся ни не покрывающіеся территоріально или какъ бы тамъ ни было прежними племенами. Племена давно исчезли, а упомянутыхъ трехъ нарѣчій долго еще не было. На всемъ огромномъ пространствѣ царилъ одинъ, общій древнерусскій языкъ. Каковъ онъ собственно былъ, мы нынѣ не знаемъ, но оставшіеся отъ него до нынѣ архаизмы, которые сохранились въ томъ же видѣ и смыслѣ и на сѣверѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, и на югѣ, и у нашихъ гуцуловъ и въ Закарпатской Руси, показываютъ, что онъ былъ одинъ и общій. Первые же слѣды дифференціаціи на три нарѣчія появляются только въ XIII—XIV вв., причемъ на образованіе великорусскаго повліяли также въ одинаковой мѣрѣ какъ Кіевъ, такъ и Новгородъ и Бѣлая Русь, вслѣдствіе чего между нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ большое сходство. А малорусское сложилось нѣсколько позднѣе въ XIV'—XV вв. и въ иныхъ условіяхъ. Именно, изъ разгромленной и опустошенной татарами въ 1240 г. и слѣд. Кіевщины почти все

населеніе ушло частью на сѣверо-востокъ, въ Ростовъ, Суздаль, Муромъ, и т. д., частью же на юго-западъ: на Волинь, въ Галичину, Подолье, Буковину. Все Поднѣпровье, съ Черниговомъ и Переяславлемъ больше двухъ столѣтій оставалось пустыней. Языкъ той части населенія, которая ушла на юго-западъ, подъ вліяніемъ польскаго и др. языковъ, немного измѣнился, особенно въ произношеніи нѣсколькихъ гласныхъ и въ нѣкоторыхъ формахъ, превращаясь въ малорусское нарѣчіе, которое, правда, по возвращеніи на Днѣпръ обѣихъ частей отъ полонизмовъ значительно очистилось, но это новое, малорусское произношеніе сохранило. Между тѣмъ какъ велико- и бѣлорусское нарѣчіе древнее произношеніе задержали и, что самое важное, великорусское значительно обогатилось выраженіями, формами и оборотами, заимствованными изъ церковно-славянскаго языка, въ результатъ чего тѣмъ скорѣе и легче могло стать въ послѣдствіи общерусскимъ литературнымъ языкомъ.

Относительно имени: Русь — рускій. Не вдаваясь въ подробности относительно его происхожденія и распространенія, укажемъ только коротко: оно очень рано, ибо въ IX. в., принялось и осталось на Руси. Украинцы ссылаясь на то, что оно относилось первоначально только къ Кіеву, что, впрочемъ, вѣрно, но затѣмъ заявляютъ они, москали это имя присвоили себѣ, сирѣчь «украли», какъ таки прямо это и называется, в виду чего украинцы вынуждены отъ него отказаться и держаться названія: «Украина» и «украинскій». Относительно имени «Русь» и «русскій» отсылаю къ брошюрѣ кн. Волконскаго п. «Имя Русь», а названіе: «Украина» — «украинскій» недавно прекрасно выяснилъ въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ О-вѣ «Другъ» А. И. Генсерскій и этотъ докладъ его слѣдуетъ непременно издать.

Постоянныя и страстныя украинскія нападки на церковно-славянскій языкъ вызваны тѣмъ, выше указаннымъ фактомъ, что онъ основа и источникъ развитія общерусскаго литер. языка и свидѣтель его единства. Они обычно называютъ его «мертвеччиной», которая будто бы задержала развитіе «украинскоі мови і літератури» — взглядъ совершенно ложный и крайне несправедливый, ибо какое огромно значеніе имѣетъ церковно-славянскій языкъ вообще для развитія и языка и литературы на Руси, извѣстно, а специально югозападная Русь обязана своимъ спасеніемъ отъ денационализаціи въ прошлыхъ вѣкахъ прежде всего церковно-славянскому языку и вообще Церкви.

Подобныя же соображенія заставляютъ украинцевъ относиться сдержанно къ подлинникамъ старинныхъ русскихъ письменныхъ

памятниковъ. Они считаютъ ихъ, правда, также своими, но изъ-за ихъ языка неохотно приводятъ ихъ подлинныя тексты, а представляютъ ихъ почти исключительно въ своихъ плохенькихъ переводахъ. Иногда они и впрямь и даже въ печати высказываютъ опасеніе, что эти древне русскіе памятники своимъ содержаніемъ и особенно своимъ языкомъ могутъ вести ихъ учающуюся молодежь къ москвофильству и обрусѣнію. Намъ же необходимо всегда имѣть въ виду и помнить, что хотя — какъ сказано — первые слѣды дифференціаціи на три нарѣчія: и появляются съ XIV в., но книжный языкъ тогда и еще долго позднѣе остается одинъ общій, тотъ же въ Кіевѣ, Новгородѣ, Суздаль Москвѣ, Галичѣ и Перемышлѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ и др. культурныхъ центрахъ.

Особенно важнымъ всеобъединяющимъ началомъ на Руси было христіанство, принятое съ Востока, Царьграда-Константинополя, т. е. православное христіанство Руси, давшее намъ всю книжность и всю духовную культуру (искусства). Жалкія попытки Запада связать Русь уній съ Римомъ были неудачны и малорезультатны, по поводу всегдашняго тяготѣнія уніатовъ къ православію.

Остановимся на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктахъ въ исторіи на которыхъ мы съ украинцами особенно рѣшительно расходимся. Извѣстно, что объединяла Русь особенно сильно династія Рюриковичей. Украинцы конечно, не отрицаютъ самого факта княженія этой династіи во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ, но выдвигаютъ и подчеркиваютъ княжескія междоусобицы, которыя по ихъ мнѣнію вели или могли вести къ разрыву и антагонизму между Великороссіей и Малороссіей и вообще къ украинскому сепаратизму. Между тѣмъ давно и безповоротно доказано, что частые переходы однихъ князей въ другія княжества, со своими дружинами, и были однимъ изъ самыхъ мощныхъ объединительныхъ звеньевъ. Князья изъ далекихъ Новгорода, Ростова, Суздаля, Владиміра на Клязьмѣ, Москвы, чувствовали себя дома на югѣ и западѣ, въ Кіевѣ, Тмуторокани, Галичѣ, Перемышлѣ, Теробовлѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, т. е. на своей родной русской землѣ, среди своего русскаго народа, въ своемъ одномъ великомъ государствѣ. Всѣ эти военные походы князей другъ на друга, переселенія съ одного княжескаго стола на другой, распри и примиренія и союзы, оживленныя сношенія, въ которыхъ всѣ пользуются однимъ и тѣмъ же дипломатическимъ языкомъ — роднымъ русскимъ, и многое другое — только укрѣпляли въ князьяхъ, дружинникахъ и народѣ сознаніе этого единства. Правда, распри и междоусобицы ослабляли сопротивление Руси внѣшнимъ врагамъ и объ этомъ постоянно скорбятъ и лѣтописцы и пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», но къ племенному сепаратизму не вели, напротивъ, содѣйствовали ознакомленію и

взаимному сближенію отдѣльныхъ областей. Не замѣчательно ли, что русскихъ князей и на сѣверо-востокѣ и на юго-западѣ все то приглашаютъ, то прогоняютъ, а, вотъ, чужихъ, не-русскихъ на столь не пускаютъ, а если послѣднимъ, нпр., венгерскимъ въ Галичѣ и Перемышлѣ, нѣмецкимъ въ Новгородѣ и Псковѣ, случайно удалось захватить власть, они прогнаны скоро и какъ говорится, въ серіезъ и надолго. Правда, нынѣ польскіе историки указываютъ на то, что наше здѣшнее боярство призвало во Львовъ послѣдняго князя Болеслава Тройденовича. Конечно, наше боярство западнымъ вліяніемъ было деморализовано, но все таки нельзя забывать, что Болеславъ Тройденовичъ былъ православный потомокъ галицко-русскихъ князей и что узнавъ о томъ, что онъ сталъ католикомъ и вводитъ католичество, тѣ же бояре его отравили.

Остановимся немного дольше на одномъ прискорбномъ фактѣ — разореніи и ограбленіи Кіева суздальскимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 г. Кажется, нѣтъ такой украинской исторіи, въ которой бы не высказывалось самое острое возмущеніе по этому поводу и не приводилось это въ доказательство страшной вражды между сѣверомъ и югомъ. Подобныя разоренія и ограбленія отдѣльныхъ городовъ князьями совершались неразъ и повсюду на Руси, да и не только на Руси, а во всѣхъ государствахъ, на Западѣ также. И до того Кіевъ уже неразъ былъ взятъ и ограбленъ. Къ этому времени онъ былъ уже въ упадкѣ и могъ стать, и позднѣе дѣйствительно сталъ добычей половцевъ и другихъ степныхъ хищниковъ и наконецъ татаръ. Можно ли особенно строго осуждать Андрея Боголюбскаго за то, что онъ считаясь съ этой угрозой ограбилъ и разорилъ Кіевъ? Что онъ его драгоцѣнности вывезъ въ свою столицу на сѣверѣ далекомъ, въ Суздаль? Считать ли намъ это его преступленіе актомъ непріязни, вражды, сепаратизма между сѣверомъ и югомъ? А вѣдь и на сѣверѣ самомъ, впослѣдствіи, Москва взяла и ограбила Новгородъ и Псковъ, находившіеся также подъ постоянной угрозой со стороны шведовъ, нѣмцевъ, литовцевъ и поляковъ. Это, конечно, прискорбныя событія, но на нихъ нынѣ мы должны смотрѣть съ точки зрѣнія ихъ историческихъ послѣдствій, что, быть можетъ, и не трудно, когда теперь и эта наша скорбь и это украинское возмущеніе теряютъ свою остроту къ виду тяжелой судьбы Абиссиніи, взятой италянами, и Австріи и частей Чехословакіи, взятыхъ Гитлеромъ и еще кое-къмъ.

Андрей Боголюбскій, какъ внукъ вел. кн. Кіевскаго Владиміра Мономаха, былъ на югѣ популяренъ. Его отецъ, ростовско-суздальскій князь, Юрій I (1090—1157), добылъ Кіевъ и княжилъ въ немъ съ 1149 по 1151 г. и съ 1154 г. до своей смерти. Самъ Андрей Боголюбскій, правда,

не любил юга и предпочитал княжить на сѣверѣ, но и не желалъ, чтобы Кіевъ сталъ добычей половцевъ и др. наѣздниковъ. Онъ хотѣлъ стать великимъ княземъ всея Руси, но на сѣверѣ. Нынѣ неизвѣстно и трудно знать, было ли разореніе и ограбленіе Кіева преднамѣреннымъ политико-военнымъ актомъ или нѣтъ, если же оно таковымъ было, то это было съ его стороны проявленіе самовластья съ государственно-самодержавной цѣлью. Политическій центръ уже тогда передвигался изъ Кіева въ Суздаль. Населеніе изъ Кіевщины массами уходило на сѣверовостокъ. Андрей Боголюбскій врагомъ Кіеву не былъ: онъ вѣдь былъ родомъ кіевлянинъ, его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ и дальнѣйшіе предки, были великими князьями въ Кіевѣ на протяжении семи поколѣній. Тогда еще — какъ сказано выше — не было развѣтвленія русской народности на велико-бѣло- и малороссовъ. О какой бы ни было племенной розни, которую хотя бы тогда видѣть украинцы, не можетъ быть рѣчи. Вѣдь тотъ же Андрей Боголюбскій, суздальскій князь, вель воину съ Новгородомъ, Москва навязала вполсѣдствіи свое господство Твери и Новгороду, съ которой воевала 200 лѣтъ, но никто еще не отрицалъ изъ-за этого единоплеменность москвичей, новгородцевъ и тверичей, напротивъ, эта борьба только объединила великороссовъ. Никакихъ слѣдовъ ненависти юга къ сѣверу изъ-за разоренія и ограбленія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ не осталось и украинцы ихъ не показываютъ. Лѣтописецъ, конечно, скорбитъ о розореніи Кіева, но не иначе и не больше чѣмъ нпр. «Слово о полку Игоревѣ» вообще о княжескихъ междоусобицахъ. Нѣтъ вражды изъ-за этого и въ Кіевскихъ былинахъ, возникшихъ на югѣ, но, какъ извѣстно, сохранившихся на сѣверѣ. Нѣтъ вражды изъ-за этого и въ «Словѣ о полку Игоревѣ», а вѣдь оно посвящено походу того Игоря, кн. Новгорода Сѣверскаго (къ югу отъ Чернигова, между Черниговомъ и Переяславлемъ), который былъ южанамъ особенно дорогъ. Мало того, скажемъ, или лучше скажемъ, напротивъ, тамъ имѣется что-то скорѣе въ пользу этого самага якобы жестокаго Андрея Боголюбскаго. Тамъ сказано, что великій кн. Кіевскій Святославъ «изронилъ золотое слово, орошенное слезами» и звалъ всѣхъ родныхъ князей, вступиться за обиду, за землю русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича», звалъ Ярослава Осмомысла галицкаго, Рюрика и Давида смоленскихъ, Романа и Мстислава Волынскихъ и князя Всеволода. И именно этого послѣдняго такимъ высокопоэтическимъ восклицаніемъ: «Великій князь Всеволодъ, прилетѣть бы тебѣ издалека, чтобы отцовскій золотой престоль поблюсти. Ты можешь Волгу веслами забрызгать, а Донъ вычерпать шлемами». А кто же этотъ такой всемогущій Всеволодъ, на котораго пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ возлагаетъ такія

преувеличенныя надежды? Это родной братъ Андрея Боголюбскаго, разорившаго Кіевъ въ 1169 г. Это Всеволодъ III Большое Гнѣздо, какъ онъ въ русской исторіи называется, умершій въ 1212 г. А авторъ «Слова о полку Игоревѣ», самъ южанинъ во всякомъ случаѣ, нѣкоторые историки хотятъ въ немъ видѣть галичанина, онъ дружинникъ великаго князя черниговскаго. Ему Владимірскій князь — князь суздальской земли такъ же близокъ какъ и князь галицкій или волынской. А вѣдь воспѣтый и.мь походъ, князя Игоря на половцевъ былъ въ 1185 г., всего 16 лѣтъ спустя послѣ разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ и, однако, въ его поэмѣ нѣтъ никакого слѣда непріязни южанъ къ сѣверянамъ, ни жалобъ, ни намека на это прискорбное событіе, а, напротивъ, похвала родному брату разорителя.

Зато украинскіе историки старательно затушевываютъ рознь и антагонизмъ нпр. между Галичемъ и Кіевомъ, доходившіе иногда до безпощаднаго поголовнаго истребленія рати противника и до вопіющаго предательства, нпр. южный князь Изяславъ противъ Кіева заключилъ въ 1149 г. союзъ съ королями венгерскимъ и польскимъ.

Такъ же точно въ украинской исторіи затушевывается и умалется или даже скрывается такой важный фактъ, какъ поочередное передвиженіе главныхъ центровъ Руси и прямая и непрерывная преемственность государственности. Правда, въ ней упоминается, что послѣ паденія Кіева, поднялись на югозападѣ Галичъ и на сѣверо-востокѣ Суздаль и затѣмъ Москва, но связи между ними нѣтъ никакой. Ни словечкомъ въ ней не упоминается о такой великой исторической личности какъ Петръ Ратенскій, уроженецъ Галичины и бывший игумень м-ра на р. Ратѣ (въ жолковскомъ уѣздѣ), который былъ впоследствии первымъ митрополитомъ московскимъ, совѣтчикомъ и сотрудникомъ вел. кн. московскаго Ивана Даниловича Калиты въ его великомъ дѣлѣ собиранія русскихъ земель вокругъ Москвы, и который за свои громадныя заслуги также для русской православной Церкви причисленъ къ лику Ея святыхъ.

Зато въ украинской исторіи особенно подчеркивается мнимая обособленность даже отчужденность юго-западной Руси въ литовскорусскомъ государствѣ и въ Польшѣ отъ московской Руси. Можно ли о такой обособленности и отчужденности толковать, видимъ изъ слѣдующихъ фактовъ: границы между Литвой, Польшей и Московскимъ государствомъ почти не охраняются и обычно легко переходимы, литовско-русскіе князья со своими областями переходятъ подъ московское владычество и московскіе подъ литовско-польское. Въ Литвѣ-Польшѣ Православная Церковь возглавляется долгіе вѣка митрополитами московскими, затѣмъ усиленнымъ ходатайствомъ

литовскихъ великихъ князей и польскихъ королей уже особымъ митрополитомъ въ Кіевѣ, но вскорѣ Кіевъ съ этимъ митрополитомъ «кіевскимъ и галицкимъ» очутился подъ владычествомъ московскимъ великихъ князей и царей и навсегда остается въ Россіи, хотя эту Церковь въ Литвѣ-Польшѣ возглавляетъ до самаго раздѣла Польши. Живой культурный обмѣнъ между литовско-польской Русью и московской происходитъ безостановочно, прежде всего посредствомъ православнаго русскаго духовенства, переѣзжающаго границу и проповѣдующаго на одномъ и томъ же языкѣ въ одномъ и другомъ государствѣ, книгами и вообще изданіями и тогдашними образованными людьми, доброохотными переселенцами и вынужденными бѣженцами. Изъ Москвы отъ Ивана Грознаго бѣгутъ въ Литву-Польшу князь Мих. Курбскій съ товарищами и въ сотрудничествѣ съ кн. К. К. Острожскимъ славно оба подвизаются на культурномъ поприщѣ, вскорѣ также первопечатникъ Иванъ Ѳеодоровъ въ уходитъ въ Литву, къ православнымъ все еще Ходкевичамъ, и оттуда во Львовъ, гдѣ основываетъ нашу братскую типографію и наконецъ къ тому же кн. Острожскому. Но послѣ берестейской уніи 1596 г. и нѣсколькихъ великолѣпно сформулированныхъ т. назв. „*ugod — konkordij*“ уже бѣгутъ в гораздо большемъ количествѣ изъ Литвы-Польши въ Москву люди всѣхъ сословій и занятій, а по присоединеніи Малороссіи къ Россіи Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 г. огромное большинство мало русскихъ ученыхъ переселяется въ Москву, вырабатываетъ там общерусскій литер, языкъ и общерусскую письменность при Алексѣй Михайловичѣ и затѣмъ сотрудничаетъ съ Петромъ Вел. въ строительствѣ россійской имперіи. О какой же обособленности и отчужденности малороссовъ отъ великороссовъ тутъ можетъ быть рѣчь. Даже по истребленіи православныхъ оставшіеся въ Литвѣ-Польшѣ уніаты только съ восточно-православнымъ обрядомъ и церковно славянскимъ языкомъ въ богослуженіи, и тѣ своей связи съ Москвой никогда не прерывали.

И эта долговѣковая непрерывная связь юго-западной Руси с московской задолго до присоединенія къ ней Малороссіи была окуплена очень дорого великимъ геройскимъ подвижничествомъ с обѣихъ сторонъ и огромными жертвами. Если намъ извѣстно из нашей галицко-русской и украинской исторіи много и хорошо о героизмѣ и жертвахъ съ южнорусской стороны, то намъ надо быть справедливыми и знать и помнить героизмъ и жертвы съ московской. Конечно, по примѣру нашихъ видныхъ галицко-русскихъ историковъ: Зубрицкаго, Петрушевича, Шараневича и я себѣ иногда позволяю писать и подчеркивать, что въ эпохальной битвѣ вел. кн. московскаго Дмитрія

Донского на Куликовомъ полѣ въ 1380 г. противъ татарскихъ полчищъ Мамай участвовали и наши предки галичане и волинцы, что въ трагической моментъ, когда подъ сокрушительнымъ ударомъ и послѣ страшныхъ потерь московскіе полки уже дрогнули, кн. волинскій Дмитрій Михайловичъ Боброкъ внезапнымъ налетомъ со своимъ отрядомъ со стороны сыгралъ чуть не рѣшающую роль въ этой битвѣ — все это льститъ нашему патріотичному самолюбію, мы все́мъ этимъ гордимся, какъ гордимся и тѣмъ, что наши галицко-русскіе ратники и князья участвовали въ походахъ Руси на половцевъ и въ битвѣ на р. Калкѣ — но ни они не забывали и мы нынѣ не можемъ и не смѣемъ забывать, что рѣшена была эта битва и съ нею давнѣйшая судьба Руси вообще колоссальными жертвами Москвы, а участіе въ ней и юго-западной Руси было минимально; да и значительнымъ не могло быть, ибо она сама находилась подъ властью тѣхъ же татаръ и турокъ, Литвы-Польши. Только немногіе ея доблестные сыны, преодолевъ все затрудненія, смогли послѣшить Москвѣ на помощь, причемъ слѣдуетъ помнить, что одновременно спѣшили туда же изъ Литвы Владиславъ Ягайло, но, увы, на помощь Мамаю а противъ Москвы, но, къ счастью русскихъ опоздалъ и прибылъ, когда уже разбитый Мамай бѣжалъ.

Конечно, какъ украинцамъ, такъ и намъ грустно становится при чтеніи у Костомарова, какъ Богданъ Хмельницкій съ Малороссіей напрашивается на подданство Москвѣ, а она, т. е. боярская Дума и царь Алексѣй Михайловичъ, все колеблется, все медлятъ принять его, но надо знать, что ихъ нерѣшительность и медлительность подсказывались государственной мудростью и осторожностью, ибо это принятіе Малороссіи означало новую, неминуемую войну съ Польшей и тяжкій вопросъ, выдержать ли ее московское государство. Это не была московская гордыня царя и думскихъ бояръ въ виду погибающихъ и умоляющихъ о помощи хохловъ, какъ это истолковывается украинской исторіей. Вѣдь все́ московскіе великіе князья и цари и бояре, во все́хъ дипломатическихъ нотахъ сосѣдямъ, называли земли юго-западной Руси своею законной «отчиной» и за нихъ воевали. Вѣдь — по Ключевскому — за эти земли Москва воевала съ Швеціей, Ливоніей, Литвой. Польшей за 103 года (1492 по 1595) полныхъ 50 лѣтъ, значить, годъ воевала и годъ отдыхала, въ теченіи свыше столѣтія. Вѣдь принявъ въ подданство Хмѣльницкаго съ Малороссіей Москва воевала съ Польшей съ краткими перерывами 13 лѣтъ (1654—1667) и смогла эту войну закончить все́таки не полнымъ миромъ, а только перемиріемъ (Андрусовскимъ). Чтобы выдержать эту тяжесть, Москвѣ потребовалось суровое, а то и жестокое самодержавіе и крайнее напряженіе все́хъ силъ и все́хъ человѣческихъ и матеріальныхъ

ресурсовъ. А изгнать изъ южнорусскихъ степей азіатовъ и овладѣть Чернымъ моремъ, не было подь силу ни до-татарской единой Кіевской Руси, ни Москвѣ или Украинѣ, ни Польшѣ, ни Литвѣ. Только російская имперія, т. е. вся полнота русскаго міра, оказалась достаточно мощной, чтобы овладѣть югомъ русской равнины — пишетъ кн. Волконскій.

Что въ виду этихъ всеросійскихъ жертвъ значить вопль въ украинской исторіи о томъ, что, нпр., Петербургъ построенъ на украинскихъ костяхъ? Не исключительно на украинскихъ, но и на великорусскихъ въ значительной мѣрѣ. А если и на украинскихъ, то не малорусскаго простого народа, а казацко-шляхетскихъ бунтарей, которыхъ этотъ народъ тогда, справедливо, уже сильно ненавидѣлъ. Но должно при этомъ вспомнить и тѣ уже многотысячныя кости, которыя почти одновременно легли подь Полтавой. И тѣмъ паче стотысячныя кости, устлавшія собою путь нашествія Наполеона на Москву и наконецъ всѣмъ намъ, малороссамъ, и особенно Галича намъ во вѣчно-благодарной памяти сохранить тѣ уже миллионныя русскія кости, которыми покрылись Карпаты въ 1914, 1915 и 1916 годахъ, таки при насъ, еще живыхъ свидѣтеляхъ. Тогда, быть можетъ, дальше въ украинской исторіи мы съ меньшимъ трагизмомъ будемъ принимать къ сердцу, конечно, жалкую судьбу украинской Запорожской Сѣчи, которую Екатерина II «зруиновала», перемѣщая послѣднихъ запорожцевъ на Кубань. Куда же она ихъ должна была перемѣстить, разъ западная граница російской имперіи отодвинулась до Збруча и верхняго Буга? Или же она должна была отставить ихъ на Днѣпровскихъ порогахъ выжидать съ запада прихода иного Карла? Да и не лучше ли украинцамъ спросить самихъ нынѣ еще въ эмиграціи здравствующихъ кубанцевъ какъ они смотрятъ на эту Запорожскую трагедію? Довольно, кажется этихъ примѣровъ. Вы ихъ можете набрать, сколько угодно, изъ украинскихъ сочиненій, заявленій, разговоровъ съ ними, когда они такими приемами и средствами стараются обосновать украинскій сепаратизмъ въ прошломъ, но его во всемъ этомъ не было и нѣтъ. Это только ихъ попытки извратить и оболгать это прошлое. И эти ихъ попытки легко опрокидываются и совершенно разрушаются русской наукой, если на нихъ обращено ея вниманіе. Сепаратизмъ ими строится только искусственно, фиктивно, въ воображеніи. Нѣтъ украинскаго сепаратизма и въ украинскомъ движеніи до указаннаго нами времени, т. е. до половины 70-тыхъ годовъ въ Россіи и приблизительно до 1900 г. въ Галичинѣ, хотя чужіе и враждебные Руси круги пытаются его использовать. Украинскій сепаратизмъ — это то предательское отщепенство отъ русскихъ націй,

культуры, имени и родства, которое задалось цѣлью расчленивъ Русь, разорвать ее на части, и которое у насъ О. А. Мончаловскій, въ то время, когда оно тутъ появилось, назвалъ точно и мѣтко: мазепія, мазепинцы, мазепинскій, т. е. это прямое преемство злодѣянія предателя Мазепы. Этотъ шляхтичъ, противъ воли, интересовъ и безъ вѣдома малорусскаго народа, своей измѣной, съ помощью чужихъ силъ, попытался, правда, безуспѣшно, но это сущности дѣла не мѣняетъ, оторвать отъ Руси еѣ юго-западную часть. За нимъ и съ нимъ пошло противъ Петра всего полтора тысячи добровольныхъ и вынужденныхъ или обманутыхъ сторонниковъ, въ большинствѣ колеблющихся и трусливыхъ. Петру было не трудно одолѣть ихъ, онъ не съ ними боролся и не они были для него угрозой и непосредственной опасностью. Онъ боролся съ тѣми большими, грозными и опасными чужими силами, которыя использовали Мазепу. И для насъ нынѣ мазепинство грозно и опасно прежде всего и больше всего какъ орудіе чужихъ силъ для разрыва Руси. Съ нимъ, съ мазепинствомъ, у насъ никогда не можетъ быть ни соглашенія, ни примиренія, ибо никакой живой организмъ въ мірѣ — а нація есть такимъ живымъ организмомъ — не согласится, не примирится съ разрывомъ себя самого на части.

Намъ, русскимъ, эту сущность украинскаго сепаратизма, этого мазепинства, надо себѣ всегда уяснять и опредѣлять точней ибо, иначе, отъ неясности и неточности, получается большой вредъ для русскаго національнаго дѣла. Къ сожалѣнію, изъ взгляда на тѣхъ украинцевъ, которые не являются или которыхъ мы не считаемъ и не желаемъ считать мазепинцами, мы часто не называемъ украинскихъ сепаратистовъ и ихъ движенія ихъ настоящимъ именемъ. До войны, если въ моихъ статьяхъ въ «Прикарпатскую Русь» употреблено было названіе: мазепія, мазепинцы, мазепинскій, редакторъ его зачеркивалъ, а если оно какъ-то проскользнуло, тогда и редакторъ и я получали за это отъ В. О. Дудыкевича выговоръ, ибо это названіе, моль, — оскорбленіе тѣхъ украинцевъ, которые все таки не Мазепы. т. е. сепаратисты. Но сколько такихъ въ украинскомъ станѣ и что они въ немъ значать? Нынѣ, когда сепаратисты устраиваютъ въ честь Мазепы юбилеи и торжества, когда въ органахъ мит-та Шептицкаго печатается чернымъ по бѣлому, что его, по его великимъ заслугамъ для украинства, можно бы развѣ поставить рядомъ и сравнить только съ Мазепой, пора бы и намъ съ этой неопредѣленностью въ номенклатурѣ покончить. Между тѣмъ въ нашей печати и теперь по ихъ адресу употребляется названіе: украинофилы, украинофильство, — неподходящее и невѣрное. Развѣ польскіе поэты: Мальчевскій, Залескій, Гошинскій и др. не украинофилы? Развѣ Масарикъ и Бенешъ не украинофилы? Развѣ

предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, не былъ украинофиль? Развѣ мы, русскіе, когда любимся Украиной и украинскимъ народнымъ творчествомъ, не украинофилы? Почему, съ нашей, русской стороны, не ставить вопроса ребромъ твердо, рѣшительно и ясно, чтобы украинцы знали, что именно въ нихъ и ихъ движеніи для насъ пріемлемо, а что нѣтъ, и чтобы недоразумѣній не выходило? А недоразумѣнія по этому поводу бываютъ и у насъ и у нихъ. Достаточно чтобы украинецъ признавалъ имя «Русь» употребительнымъ относительно прошлаго или даже относительно настоящаго, гдѣ это по тактическимъ соображеніямъ ему кажется допустимымъ и нужнымъ, нпр. въ Закарпатской Руси, чтобы заявилъ, что ему ближе все таки москали чѣмъ поляки, и т. п., и мы уже готовы строить на этомъ розовыя надежды. И у нихъ: Иванъ Кедринъ открылъ въ «Ділі» анкету объ отношеніи украинцевъ къ москвофиламъ и въ «Діло» посыпались статьи съ требованіемъ, чтобы москвофилы стали украинцами. Кедринъ объясняетъ авторамъ, что надо от дѣлать политическую сторону вопроса отъ идеологической. Его за это ругаютъ, на что онъ и жалуется и т. д. А между тѣмъ всего этого можно бы избѣгнуть, если бы всегда было твердо и ясно поставлено на видъ: для насъ русскихъ, украинцы и украинское движеніе непріемлемы и невозможны, если термины: украинство и украинскій въ нихъ, но своему смыслу и сущности, синонимы: «мазепинство и мазепинскій».

Вотъ, главные факты изъ исторіи мазепинства.

Въ Россіи оно царскимъ указомъ отъ 18 мая 1876 г не было подавлено. Оно ушло частью въ подполье, частью за границу, сюда, во Львовъ, и даже снискало себѣ симпатіи и тамъ и здѣсь, ибо боролось якобы только за свободу запрещеннаго этимъ указомъ малорусскаго слова. Пс заключеніи въ 1879 г. направленнаго противъ Россіи тройственнаго союза, Австро-Венгріи, Германіи и Италіи, и за явленіи берлинскаго проф. Гартмана, что Австро-Венгрія и Германія имѣютъ передъ собой заданіе образовать изъ Украины Grossfuerstentutn von Kiew львовскій мазепинскій центръ получаетъ мощную и щедрую поддержку отъ обоихъ государствъ и мѣстныхъ, г. е. краевыхъ властей въ Галичинѣ. Въ 80-хъ годахъ здѣсь быстро возникаютъ и развиваются: Наукове Товариство ім. Шевченка, изданія «Правда», «Зоря», «Діло» и др. Осенью 1890 г. въ галицкомъ сеймѣ, во Львовѣ, провозглашена Романчукомъ и тов. т. нзв. «новая эра»; г. е. принципъ малорусскаго сепаратизма. Въ 1894 г. открыта въ львовскомъ университетѣ каедрa малорусской исторіи и приглашенъ на нее австрійскимъ правительствомъ изъ Кіева уже извѣстный тогда сепаратистъ-доцентъ Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій. Тогда же изъ школъ устраняется

этимологическое малорусское правописание, а вводится в них нововыработанное в сепаратистичном духе фонетическое, несмотря на многотысячные протесты. Под руководством Грушевского воспитываются и выходят из университета цѣлые кадры сепаратистов-учителей и вытѣсняются из школ русских учителей. Он же в этом духе переводит в 1899 г. реорганизацию прежней народовецкой, украинофильской партии и фактически, возглавляет все украинское, уже явно и ярко мазепинское движение до самой войны.

В России революционные годы 1905—06 подняли и оживили мазепинство. Стали появляться издания его на правления, а с 1908 г. «Записки Т-ва Шевченка выходят также в Киевѣ. Грушевский открыл там его особый центр. Много ему помогали и там и здѣсь шантаж сь известной запиской Россійской Импер. Академіи Наукъ «объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова», и данной только на правах рукописи, но здѣсь, в переводѣ-поддѣлкѣ Ивана Франка, выпущенной для доказательства, что будто русская Академія Наукъ признала сепаратизм малорусскаго языка. Академики Соболевский, Коршъ и др. протестовали противъ такого истолкованія этой записки и въ здѣшней «Прикарпатской Руси» и въ печати в России, но шантажъ продолжался и мазепы сь этой запиской выѣзжали на всѣхъ нашихъ политическихъ процессахъ, здѣсь, во Львовѣ, на нашемъ, и во Вѣнѣ, на двухъ.

Противъ мазепинскаго движенія боролось также сь 1900 г. усиливавшееся здѣсь русское, т. н. «новокурское» движение, под главенствомъ В. О. Дудыкевича, но не имѣя своихъ школъ, не могло одолѣть его. Это была явно неравная борьба, но тѣмъ не менѣе для мазепы и ея покровителей грозная. Можно и на основаніи ихъ тогдашней печати установить, что приблизительно сь 1910 г. они считали для себя русское новокурское движение опаснымъ. Все же украинское движение до войны было гораздо сильнѣе. Оно было вообще тогда гораздо сильнѣе чѣмъ нынѣ.

Во время войны украинскіе «сичевики» боролись противъ русскихъ войскъ на Карпатахъ и во время революціи въ Малороссіи, а здѣсь предавали австр. властямъ своихъ русскихъ братьевъ. Въ концентраціонныхъ лагеряхъ русскихъ плѣнныхъ въ Австро-Венгрии и Германіи, украинскіе преподаватели гимназій и редактора «перевоспитывали» плѣнныхъ малороссовъ въ украинскихъ самостійниковъ и во время революціи, сь ихъ помощью, строили самостійную Украину подъ покровительствомъ нѣмцевъ. Дальнѣйшее и прочее общеизвестно.

Съ занятіемъ русскими войсками Галичины и Буковины въ 1914—15 гг. все здѣсь украинское движение моментально и безслѣдно

исчезло, какъ пыль сдутая со стола, хотя репрессій никакихъ со стороны русскихъ властей не было. Арестовывались ими и вывозились отсюда только украинцы, причастные къ січевикамъ и вообще къ военной украинской акціи противъ Россіи. Оставшіеся здѣсь главари украинства: Грушевскій, Шухевичъ, Павликъ, Окуневскій и др. ориентировались на Россію и публично высказывали свою радость по поводу наступившей перемѣны.

Послѣ войны украинцы пропагуютъ идею образованія особаго украинскаго государства. Нѣтъ никакихъ видовъ на то, чтобы такое государство могло возникнуть. Если бы оно какимъ-то чудомъ возникло, оно очутилось бы передъ той же дилеммой, передъ которой стоялъ Богданъ Хмельницкій: подъ кого, братцы, волите?

Украинство было и до войны и остается нынѣ сильнѣ насъ, русскихъ, въ смыслѣ организаціонномъ, матеріальномъ, политическомъ, экономическомъ; но оно слабѣ насъ и вообще слабо въ смыслѣ идеологическомъ, культурномъ, духовномъ, моральномъ. Довоенный опытъ показалъ, что оно, въ нѣкоторыхъ условіяхъ и при такомъ же соотношеніи силъ можетъ быть русскимъ движеніемъ убито. Но это уже особый вопросъ.

Сколько же времени требуется для того, чтобы данное соотношеніе силъ измѣнилось? Вотъ, вамъ приблизительные сроки: украинство здѣсь взяло надъ нами верхъ въ промежуткѣ отъ 1895 до 1905 г. Наше довоенное, новокурсное движеніе выросло и укрѣпилось прочно въ 1900—1910 годахъ. Послѣ войны здѣсь украинство возстановлено было также въ теченіи десятилѣтняго срока. И инья десятилѣтія изъ нашей галицко-русской исторіи могли бы быть темой особаго доклада. Да и весь этотъ мой докладъ — это только лаконическіе пункты-темы для отдѣльной обработки, а жизнь и практика подсказываютъ ихъ много премного.

Нынѣшнія событія зываютъ насъ на новый подвигъ укрѣпленія русскости и борьбы съ украинскимъ сепаратизмомъ, къ дѣятельному участию въ новомъ русскомъ движеніи.

Конечно, наше положеніе трудно, но легкимъ оно и никогда не было, а его трудности извѣстны и неинтересны. Лучше и практичнѣ имѣть всегда передъ своими мысленными глазами отрадные моменты и обстоятельства: нынѣ здѣсь имѣется вдвое больше русскаго населенія чѣмъ его было въ довоенной Австро-Венгріи, исчезнувшей съ карты Европы. Нынѣ здѣсь, какъ встарь, Вильна и Львовъ могутъ другъ другу подать дружную помощную руку. Съ каждымъ годомъ наше братское единеніе становится тѣснѣе и крѣпче.

Мало насъ! — скажете. Конечно, сознающихъ національный

долгъ и саможертвенныхъ труженниковъ маловато. Но такъ говорили всегда первые пионеры новаго движенія, а взялись за работу и ряды ихъ выросали.

Нѣтъ матеріальныхъ средствъ! Много ли ихъ нужно? Небось, не крупныхъ капиталовъ на открытіе фабрикъ и торговыхъ предпріятій, а всего только на переписку, на выпускъ летучекъ и брошюрокъ да на выѣзды. И соберете ихъ изъ грошей, отъ тѣхъ, правда, хотя неимущихъ, но многихъ, кому ваше слово, вашъ трудъ, ваши знанія и молодой порывъ желанны и дороги.

А что они ждутъ васъ — не сомнѣвайтесь. И что на огромномъ пространствѣ отъ Карпатъ до латвійской границы открывается вамъ непочатое поле культурной дѣятельности — вы сами убѣдитесь. Здѣсь, въ Галичинѣ, ждутъ отъ васъ живого русскаго слова украинскія села, готовые стать русскими. Ждутъ васъ на Волыни и Холмщинѣ сбитыя съ толку и «украиной» и безбожіемъ крестьянскія массы. На Полѣсьи тысячи «тутейшихъ». На Виленщинѣ бѣлорусскіе сепаратисты. А повсюду и особенно жаждущая русскаго просвѣщенія учащаяся молодежь, а то кое-гдѣ и та наша старшая интеллигенція, которая ошеломленная событіями и новомъ положеніемъ, позабыла, какъ называется, хотя впрочемъ, можно ее покамѣсть оставить въ покоѣ: когда русское движеніе станетъ уже сильнымъ, она сама тогда опредѣлится и примкнетъ к нему.

А вѣрную побѣду русскаго духа вѣщаетъ и удостоверяетъ намъ живая, реальная картина Руси по другой сторонѣ Карпатъ. Тысячу лѣтъ отторженная отъ русскаго государства, но духовно присоединяя со всѣмъ русскимъ міромъ, она не погибла подъ мадыарскимъ игомъ. Двадцать лѣтъ относительной свободы ей было достаточно, чтобы выпрямиться во весь богатырскій ростъ и засвидѣтельствовать передъ міромъ свою русскость. Русскій эмигрантъ-писатель Ремизовъ посѣтилъ ее въ свое время, послѣ войны, чтобы собрать ея народныя сказки, и призналъ еѣ самое чудной русской сказкой. Другой русскій эмигрантъ-писатель Иванъ Лукашъ увлекся ея былью и въ своихъ художественныхъ твореніяхъ воплотилъ ея бытъ и легенду. Американцы, англичане, чехи, въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, очарованы этой маленькой, убогой, горно-лѣсистой страной, которая въ нашъ черствый вѣкъ матеріализма, эгоизма и предательства, геройски борется за свою величайшую духовную цѣнность — русскость. Нынѣ она жестокимъ Западомъ перерѣзана на-двое и на одной ея половинкѣ пробуетъ свить свое гнѣздышко та же предательская змѣя — мазепія. Но тамъ есть нынѣ двойная единоподушная Русь. Она змѣю задушить. Уже перекликаются ея вѣрные часовые по обѣимъ сторонамъ этой

Макіавелевской границы: съ той, венгерской русскіе фашисты въ Ужгородѣ — что жъ, пусть будетъ и фашизмъ, разъ нужень, тамъ имъ виднѣе — а съ этой, чешской, изъ Праги, молодые сокола — они молоды, они родились уже послѣ войны. Уже въ Густѣ дѣйствуетъ Русскій Народный Совѣтъ. Уже львовское «Діло» бьетъ тревогу... Окончательно и навѣрно побѣдитъ Русь!

